

Систематически дезориентирующие выражения¹

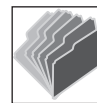
ГИЛБЕРТ РАЙЛ

Философские споры в значительной степени, если не полностью, состоят из попыток выяснить, «что же означает, когда мы говорим то-то и то-то». Мы часто наблюдаем, как люди в обычной речи, т.е. речи, которую они используют, когда не философствуют, употребляют определенные выражения, а философы концентрируются на определенных более или менее основных [radical] типах или классах таких выражений и ставят вопрос обо всех выражениях определенного типа, спрашивая, что же они в действительности означают.

Иногда философы говорят, что они анализируют или проясняют «понятия», которые встречаются в «суждениях» простого человека или ученого, историка, художника, или кого бы то ни было. Но это, по-видимому, есть всего лишь расплывчатый способ сказать, что они пытаются выяснить, что же имеется в виду под общими терминами, заключенными в предложениях, которые они произносят вслух или пишут. Ибо, как мы увидим, «х есть понятие» и «у есть суждение» сами являются систематически дезориентирующими выражениями.

Но вся эта процедура какая-то очень странная. Ведь если рассматриваемые выражения употребляются вразумительно, то те, кто их употребляет, и так всегда должны знать, что они означают, и не нуждаются в предварительной помощи или указаниях философов, чтобы понять, что же они говорят. И если их слушателям понятно, что им говорят, то они тоже не испытывают такого рода затруднений, чтобы

¹ Перевод выполнен по изданию: Ryle G. Systematically Misleading Expressions ; R. Rorty (ed.). The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1992. P. 85–100.



нуждаться в философском «анализе» или «разъяснении» значения того, что им говорят. И вообще-то философ сам должен предварительно знать, что означают эти выражения, так как в противном случае он не мог бы знать, что же он анализировал.

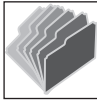
Конечно, часто случается и такое, что выражения употребляются невразумительно и в этом отношении их авторы просто болтают всякую чушь. Но тогда, очевидно, бесполезно спрашивать, что же такие выражения на самом деле означают. Ибо нет никаких оснований предполагать, что они вообще что-либо означают. Если бы имелось хоть какое-то основание так считать, то это уже не было бы простой болтовней. И если философ хочет спросить, что эти выражения означали бы, если бы их употреблял разумный человек, то на это можно лишь ответить, что они означали бы то, что они бы означали. Понять их было бы достаточно просто, и это мог бы сделать любой здравомыслящий слушатель. Философствование ему бы не помогло, и к тому же сам философ, чтобы начать философствовать, должен прежде просто понять их обычный смысл.

В таком случае кажется, что если выражение можно понять, то уже в самом этом понимании заложено знание того, что это выражение означает. Таким образом, никакой неясности нет и никакое прояснение не является необходимым или возможным.

Если же предположить, что автор некоторого выражения, не являясь философом (будь то обычный человек, ученый, священник или художник), знает, но лишь смутно, или туманно, или путано, что означает его выражение, а философ в конце своего исследования знает это ясно, отчетливо и определенно, то на это трудно избежать двоякого рода возражений. Во-первых, если говорящий лишь путано знает, что его выражение означает, то в этом отношении и в этих пределах он просто болтает чепуху. И роль, а также заслуга философа заключается вовсе не в том, чтобы предоставить средство против такого рода словесного потока. Кроме того, философ *ex officio*² не занимается бредом или бессвязной речью: он изучает выражения с точки зрения того, что они означают, будучи употребленными разумно и внятно, а не как звуки, издаваемые идиотом или попугаем.

Конечно, встречаются выражения, для которых можно было бы найти более удачный эквивалент, который следует или следовало бы использовать. (1) Выражение может содержать нарушения, например, английской или латинской грамматики. (2) Слово может быть иностранным или редким, техническим или торговым термином, для которого существует известный синоним. (3) Фраза или предложение могут быть несуразными или непривычными по своей структуре. (4) Слово или фраза могут быть неопределенными и по-

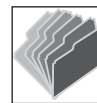
² По долгу службы (лат.). – Прим. перев.



этому вызывать двусмысленности. (5) Слово или фраза могут быть неверно подобраны, будучи общими там, где должно быть конкретное, или содержать намеки там, где они не известны или не очевидны. (6) Или же слово может оказаться неуместным или искаженным. Однако поиски парафраз, которые будут более понятны данной аудитории, или более подходящими идиоматически или стилистически, или более правильными грамматически или этимологически, относятся скорее к прикладной лексикографии или филологии, но это не философия.

Итак, мы должны ответить на следующий вопрос: существует ли такая вещь, как анализ или прояснение значения выражений, употребляемых людьми, кроме как в смысле замены филологически менее подходящих выражений на филологически более подходящие? (Мы могли бы сформулировать проблему в более дезориентирующих терминах «понятий» и спросить: каким образом в ходе философского анализа и прояснения можно производить действия над понятиями, употребляемыми простым человеком, ученым или художником, так что после этих действий проясняются понятия, которые до этого были неясными? Тут возникают те же самые затруднения. Ибо существование такого рода вещей, как спутанные понятия, невозможно, поскольку человек либо представляет себе, т.е. знает суть того, о чем он ведет речь [of his subject-matter], либо же он этого не знает. Если он это знает, то прояснение не только не требуется, но и является невозможным; если же он этого не знает, то он должен выяснить или подумать еще раз о предмете обсуждения [subject-matter], постижение сути которого мы и называем его «понятием». Но это будет не философствованием о понятии, а дальнейшим исследованием сути дела, относящимся, например, к экономике, или астрономии, или истории. Но поскольку, как я считаю, можно показать, что неверно в каком бы то ни было обычном смысле слова утверждать, что «существуют понятия», то я буду придерживаться иного способа формулировки проблемы.)

Цель данной статьи состоит не в том, чтобы показать, что именно в общем и целом исследует философия, а в том, чтобы показать, что в некотором важном смысле философы могут и должны выявлять и точно определять, что же на самом деле означают выражения того или иного основополагающего типа, и тем не менее такое выявление никоим образом не подразумевает, что те люди, которые наивным образом употребляют те или иные выражения, находятся в сомнении или замешательстве по поводу того, что эти выражения значат, или же каким бы то ни было образом нуждаются в результатах философского анализа, чтобы продолжать вразумительно употреблять обычные способы выражений или употреблять их так, чтобы они были понятны другим людям.



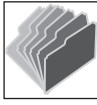
Суть того, что я хочу установить, заключается в следующем. Существует много выражений³, встречающихся в не-философской речи, которые, хотя они совершенно ясно понимаются теми, кто их употребляет, и теми, кто их слышит или читает, тем не менее имеют такую грамматическую или синтаксическую форму, которая, как это можно продемонстрировать, *не соответствует* тем состояниям дел, которые они записывают (или предполагаемым состояниям дел, на запись которых они претендуют). Такие выражения могут быть переформулированы – а для философии, в отличие от нефилософской речи, они и должны быть переформулированы – в выражения, синтаксическая форма которых соответствует записываемым фактам (или же предполагаемым фактам, предназначенным для записи).

Когда выражение имеет такую синтаксическую форму, которая не подходит для записываемого факта, оно систематически дезориентирует тем, что легко наводит некоторых людей – пусть и не «простых» людей – на мысль, что в выражении записывается состояние дел совершенно иного типа, чем то, которое на самом деле имеется.

Я попробую показать, к чему я веду, на примерах. Я начну с рассмотрения целого класса выражения одного типа, которые встречаются в обычной речи и являются в ней абсолютно допустимыми, но которые, как я утверждаю, являются *систематически дезориентирующими*, т.е. они облечены в синтаксическую форму, которая не подходит для записываемых фактов, а подходит для фактов совсем иной логической формы, чем те факты, которые они записывают. (Ради простоты я буду говорить так, как если бы все утверждения, которые приводятся в качестве примеров, являлись истинными. Ибо ложные утверждения формально не отличаются от истинных. В противном случае грамматисты стали бы всеведущими. И когда я называю утверждение «систематически дезориентирующим», я не имею в ви-

³ Я использую термин «выражение» как охватывающий отдельные слова, фразы и предложения. Под «утверждением» я подразумеваю повествовательное предложение. Если утверждение является истинным, то я говорю, что оно «записывает» [records] факт или состояние дел [state of affairs]. Ложные утверждения ничего не записывают. Знать, что утверждение истинно, – значит знать, что нечто имеет место и что данное утверждение это записывает. Если я просто понимаю утверждение, я тем самым еще не знаю, что оно записывает факт, а также я не должен знать тот факт, который оно записывает, если оно вообще записывает какой-либо факт. Но я знаю, какое состояние дел имело бы место, если бы утверждение записывало некоторое состояние дел.

Каждое значащее утверждение является квазизаписью, поскольку оно имеет как требуемую структуру, так и составные части, чтобы быть записью. Но зная это, мы еще не знаем, что оно является записью некоторого факта. Ложные утверждения являются псевдозаписями, и не в большей степени являются записями, чем псевдоантикварные вещи являются антикварными вещами. Таким образом, вопрос «Что утверждают ложные утверждения?» является бессмысленным, если «утверждают» означает «записывают». Если же оно означает «Что бы они записывали, если бы они записывали нечто имеющее место?», то в этом вопросе уже заключается ответ на него.



ду, что оно ложное, а также, конечно, не имею в виду, что оно бессмысленное. Под «систематически» я подразумеваю, что все выражения данной грамматической формы вводили бы в заблуждение тем же самым образом и по той же самой причине.)

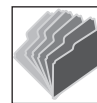
I. Квазионтологические утверждения

Со времен Канта мы или по крайней мере большинство из нас на словах соглашались с доктриной, что «существование не является качеством» и поэтому мы отвергаем псевдовывод онтологического доказательства: «Бог совершенен, совершенство влечет за собой существование, следовательно, Бог существует». Ибо, если существование не является качеством, то оно не является чем-то таким, что могло бы следовать из какого-то качества.

Но буквально до недавнего времени не замечалось, что если в утверждении «Бог существует» «существует» не является предикатом (кроме как с точки зрения грамматики), то в этом утверждении «Бог» не может быть (кроме как с точки зрения грамматики) субъектом предикации. Осознание этого явилось результатом исследования отрицательных высказываний существования [existential propositions] типа «Сатана не существует» или «единороги суть несуществующие». Если нет никакого Сатаны, то утверждение «Сатана не существует» не может быть утверждением о Сатане в том смысле, в каком утверждение «я хочу спать» является утверждением обо мне. Несмотря на внешнюю видимость, слово «Сатана» не может обозначать наделенного свойствами субъекта.

Философы забавлялись теориями, которые предоставили бы им возможность продолжать говорить, что предложение «Сатана не существует» все же каким-то образом утверждает о Сатане и что «существует» все же обозначает некоторого рода свойство или характеристику, хотя и не качество.

Так, одни доказывали, что в этом утверждении говорится о чем-то таком, что можно охарактеризовать как «идея Сатаны», другие, что в нем идет речь о какой-то бытийствующей [subsistent], но не являющейся актуальной сущности, именуемой «Сатана». Обе теории на самом деле пытаются показать, что нечто может *быть* (являясь «всего лишь ментальным» или относясь «к области бытийствующего»), но не быть существующим. Но поскольку мы можем сказать «круглые квадраты не существуют» и «реально не существующие вещи не существуют», то такого рода интерпретация отрицательных утверждений существования должна будет наполнить область бытийствующего или же область идей ходячими самопротиворечиями. Поэтому эти



теории нужно отбросить и заново проанализировать высказывания существования.

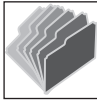
Предположим, я утверждаю об (очевидно) общем субъекте «плотоядные коровы», что они «не существуют», и мое утверждение истинно. На самом деле я не могу вести речь о плотоядных коровах, так как их просто нет. Таким образом, отсюда следует, что выражение «плотоядные коровы» в действительности не употребляется для обозначения вещи или вещей, о которых утверждается определенный предикат, хотя его грамматическая форма вроде бы свидетельствует об обратном. И точно так же, как глагол «существует» не обозначает утверждаемой характеристики, хотя грамматически это выглядит таким образом, будто так оно и есть, мы должны искать действительный предикат где-нибудь в другом месте.

Поэтому путеводная нить грамматики должна была быть отвергнута и был предложен анализ, в соответствии с которым «плотоядные коровы не существуют» означает то же, что и «ни одна корова не является плотоядной» или «ни одно плотоядное животное не является коровой». Но этот анализ, по-видимому, нуждается в дальнейшей доработке.

«Единороги не существуют», похоже, означает то же самое, что «ничто не является *одновременно и* четвероногим, *и* травоядным, *и* носителем одного рога» (или же любые другие признаки единорога). И это, по-видимому, не подразумевает, что существуют какие-то четвероногие или травоядные животные.

Таким образом, «плотоядные коровы не существуют» должно быть передано как «ничто не является одновременно коровой и плотоядным», что в таком виде не подразумевает, что нечто является тем или другим.

Возьмем теперь явно единичный субъект, такой как в предложениях «Бог существует» или «Сатана не существует». Если осуществленный выше анализ был правильным, то тогда «Бог» и «Сатана» здесь также, несмотря на свою грамматическую форму, на самом деле являются предикативными выражениями. То есть они представляют собой тот элемент в утверждении, что нечто обладает или не обладает специфической характеристикой или набором характеристик, который обозначает характеристику или набор характеристик, посредством которых должен быть охарактеризован утверждаемый субъект. «Бог существует» должно означать то же самое, что «Нечто, и притом только оно одно, является всеведующим, всемогущим и безгранично добрым» (или любые другие признаки, суммированные в сложной характеристике бога, и притом единственного бога). А «Сатана не существует» должно означать то же самое, что «ничто не является одновременно дьявольским и единственным в своем бытии дьявольским», или же, возможно, «ничто не является одновре-



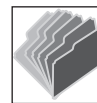
менно дьявольским и именуемым “Сатаной”», или даже «“Сатана” не является именем собственным для чего бы то ни было». Грубо говоря, « x существует» и « x не существует» не утверждает и не отрицает, что данный, наделенный свойствами субъект x обладает свойством существования, но утверждает или отрицает свойство быть x -овым или быть x -ом чего-то не названного в утверждении. Теперь я могу раскрыть свои карты. Я говорю, что такие выражения, как «плотоядные коровы не существуют», являются систематически дезориентирующими, а те выражения, в которые мы их перефразировали, не являются, или не являются тем же самым образом, или в той же самой степени систематически дезориентирующими. Но первоначальные выражения не являются ни ложными, ни бессмысленными. Они являются истинными, и они действительно означают то же, что означают их менее дезориентирующие перефразировки. И точно так же (за исключением некоторого особого класса случаев) автор таких выражений – не философ – не является несведущим или сомневающимся относительно состояния дел, которое его выражение записывает. Он нисколько не дезориентирован. Форма его выражения, однако, содержит ловушку, но ловушку, угрожающую только тому человеку, который начинает обобщать виды или типы состояний дел и предполагает, что каждое утверждение в своем синтаксисе дает ключ к логической форме факта, который оно записывает. Я ссылаюсь здесь не только и даже не столько на философа, но на любого человека, который прибегает к абстрагированию.

Но прежде чем развить эту тему дальше, я хочу обобщить результаты нашего исследования того, что мы должны охарактеризовать здесь как «так называемые утверждения существования». Это тем более необходимо, что, хотя большинство философов теперь предупреждены Кантом относительно того, что выражение «Бог существует» систематически дезориентирует, мало кто из них учитывает, что той же самой инфекцией подвержено целое множество других выражений.

Если «Бог существует» означает именно то, что, как мы утверждаем, оно означает, то очевидно, что выражения «Бог есть существующий», «Бог есть сущность», «Бог имеет бытие» или «существование» требуют того же самого анализа. Таким образом, «... есть существующий», «... есть сущность» представляют собой только мнимые предикаты, и то, относительно чего (в грамматике) они утверждают, являются всего лишь мнимыми субъектами.

И то же самое будет истинным для всех пунктов в следующей паре списков:

М-р Болдуин –
есть существо.
есть реальное, или реальность.

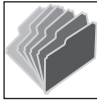


есть подлинная сущность.
 есть субстанция.
 есть актуальный объект или сущность.
 есть объективный.
 есть конкретная реальность.
 есть объект.
 есть.
 М-р Пиквик –
 есть несуществующая вещь.
 есть нереальный или нереальность, или видимость [appearance].
 есть мнимая или фиктивная сущность.
 не есть субстанция.
 есть нереальный объект или сущность.
 не есть объективный или есть субъективный.
 есть литературный персонаж или вымысел.
 есть воображаемый объект.
 не есть.
 есть только идея.
 есть абстракция.
 есть логическая конструкция.

Ни одно из этих утверждений на самом деле ничего не утверждает о м-ре Пиквике. Ибо, если они истинны, то не существует такого человека, о котором они нечто утверждают. И ни одно из них ничего не утверждает о м-ре Болдуине. Ибо, если бы они были ложными, то не существовало бы никого, о ком бы они нечто утверждали. И ни в одном из них грамматический предикат не является тем элементом утверждения, который обозначает характерный признак, утверждаемый в качестве такого, который что-либо характеризует или не характеризует.

Я формулирую заключение следующим довольно неуклюжим образом. Имеется класс утверждений, в которых грамматическое сказуемое, *как кажется*, обозначает не обладание определенным характерным признаком, но обладание (или не обладание) определенным статусом. Но во всех таких утверждениях эта видимость является чисто грамматической, и то, что эти утверждения действительно записывают, может быть выражено в утверждениях, лишенных таких квазионтологических предикатов.

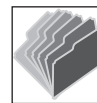
И опять-таки во всех таких квазионтологических утверждениях грамматическое подлежащее [subject-word], выраженное в слове или фразе, *как кажется*, обозначает нечто или указывает на что-то, чему предиктируется квазионтологический предикат, но фактически этот кажущийся субъектный термин – это скрытое предикативное выражение и то, что на самом деле записывается в таких утверждениях, может быть переформулировано посредством утверждений, никакая



часть которых даже кажущимся образом не относится к какому-либо субъекту такого рода.

Одним словом, все квазионтологические утверждения являются систематически дезориентирующими. (Если я в этом прав, то отсюда следует, и я с этим согласен, что величайшими грешниками являются те метафизические философы, которые, изображая, что они говорят что-то важное, делают «реальность» или «бытие» субъектом своих высказываний [propositions] или же «реальный» – предикатом. Ибо в лучшем случае то, что они говорят, систематическим образом вводит в заблуждение, на что высказывания философов не имеют права; в худшем же случае то, что они говорят, является бессмысленным.)

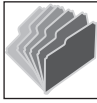
Я должен опять предупредить, что наивный человек, употребляющий такие квазионтологические выражения, вовсе не обязательно вводится в заблуждение и даже, скорее всего, он не будет введен в заблуждение. Он говорит то, что хочет сказать, и всякий, кто знает английский, понимает, что он сказал. Более того, я бы добавил, что в перечисленных выше случаях утверждения не просто имеют значение, но и являются истинными. Каждое из них записывает реальное состояние дел. И они вовсе не *обязательно* вводят в заблуждение философа. Например, мы, я надеюсь, в заблуждение не впали. Но дело в том, что всякий, в том числе и философ, кто абстрагирует и обобщает и таким образом пытается выяснить, что есть общего в разных фактах одного и того же типа (т.е. фактах одного и того же типа о разных вещах), вынужден использовать обычную грамматическую форму утверждений об этих фактах, чтобы, оперируя ею, охватить общую логическую форму самих фактов. Ибо (как мы увидим позже) поскольку способ, которым факт *следует* записывать в выражениях, *мог бы быть* ключом к форме этого факта, мы приходим к предположению, что способ, которым факт *действительно* записывается, и *является* таким ключом. И очень часто этот ключ вводит в заблуждение и внушает нам, что факт имеет совсем другую форму, чем ту, которую он имеет в действительности. Предложение «Сатана не есть реальность» по своей грамматической форме выглядит так, будто оно записывает такого же рода факт, как «Капоне не есть философ», и тем самым оно якобы точно так же отрицает некоторую характерную особенность кого-то по имени «Сатана», как и последнее предложение отрицает некоторую характерную особенность кого-то по имени «Капоне». Но оказывается, что это предположение обманчиво; ибо тогда правильным или менее неправильным утверждением для записи этого факта было бы «“Сатана” – не является собственным именем», или «Нет никого по имени “Сатана”», или «Нет никого по имени “Сатана” и кто является беспредельно злым и т.д.» или, возможно, «Некоторые люди считают, что есть



кто-то по имени «Сатана», кто является беспредельно злым, но их мнение ложно». Но ни одно из этих утверждений даже не претендует на то, что оно «о Сатане». Вместо этого они, очевидно, говорят о сочетании звуков «Сатана» или же о людях, которые неправильно их употребляют.

Точно так же, хотя предложение «М-р Пиквик есть литературный персонаж» является значащим, истинным и совершенно понятным (т.е. выражением, вводящим в заблуждение вследствие некоторого формального свойства, которое оно делит с другими выражениями или же может с ними делить); ибо оно на самом деле не записывает, как это может показаться, факт того же самого типа, который записывается в выражении «М-р Болдуин есть государственный деятель». В мире нет литературных персонажей в том же смысле, в каком в нем есть государственные деятели. Не существует никакого наделенного свойствами субъекта, о котором мы можем сказать «*это* есть литературный персонаж». Что мы можем делать – это сказать о Диккенсе «*это* есть писатель», или о «Записках Пиквикского клуба» – «*это* есть чистый вымысел», или о предложении в этом романе, содержащем псевдоимя «м-р Пиквик», – «*это* есть выдумка». И когда мы говорим такого рода вещи, мы записываем именно то, что мы записали, когда сказали «М-р Пиквик есть литературный персонаж», только наши новые выражения не подразумевают того, что подразумевалось в прежнем выражении, а именно, что некоторый наделенный свойствами субъект имеет лишь два свойства: называться «м-р Пиквик» и быть литературным персонажем, но вместо этого – что некоторый наделенный свойствами субъект имеет свойство называться Диккенсом и быть сочинителем ложных высказываний и псевдособственных имен, или при другом анализе быть книгой или предложением, которое могло бы быть истинным или ложным, только *если* кого-то зовут «м-р Пиквик». Высказывание «М-р Пиквик есть литературный персонаж» на самом деле, несмотря на первое впечатление, которое оно производит, говорит о Диккенсе или «Записках Пиквикского клуба». Но данный факт является замаскированным и не выявляется в форме того выражения, посредством которого он утверждается.

Следует отметить, что смысл, в котором подобные квазионтологические утверждения вводят в заблуждение, состоит не в том, что они являются ложными, и даже не в том, что какое-то слово в них двусмысленно или неясно, но лишь в том, что они формально не соответствуют фактам той логической формы, которые они должны записывать, а соответствуют фактам, которые имеют совсем другую логическую форму. Позднее мы увидим, к чему приводят эти понятия формального соответствия и формального несоответствия.



II. Утверждения якобы об универсалиях, или Квазиплатонические утверждения

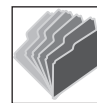
Мы часто употребляем там, где нам удобно, такие выражения, как «непунктуальность достойна порицания» и «добродетель – сама себе награда». И на первый взгляд они, как кажется, аналогичны выражениям «Джон заслуживает порицания» и «Смит похвалил сам себя». Таким образом, философы, проводя точную аналогию между тем, что подразумевается в утверждениях первого типа, и тем, что подразумевается в утверждениях второго типа, выводят в качестве следствия, что мир содержит по крайней мере два типа объектов: конкретные предметы [particulars], такие, как Джон и Смит, и «универсалии», такие, как непунктуальность и добродетель.

Однако абсурдность такого следствия обнаруживается очень скоро. Конечно же, глупо говорить, что универсалия заслуживает порицания. Мы с таким же успехом можем хвалить или порицать «универсалию», с каким просверлить экватор.

Точно так же, когда мы говорим «непунктуальность достойна порицания», то мы на самом деле не предполагаем, что непунктуальности должно быть стыдно за саму себя.

В действительности здесь имеется в виду то же, что и в предложении «Тот, кто непунктуален, заслуживает, чтобы другие люди его осуждали, за то, что он непунктуален», где это выражено гораздо лучше. Ибо осуждению могут и должны подвергаться именно непунктуальные люди, а не сама непунктуальность, так как первые являются тем, чем последняя не является, – субъектами морали. В новом же выражении «тот, кто непунктуален, заслуживает порицания» слово «непунктуальность» исчезло, а вместо него появилось предикативное выражение «... является непунктуальным». Итак, в то время как в первоначальном выражении «непунктуальность» якобы обозначала субъект, которому приписывалось некоторое свойство, теперь оказывается, что оно обозначает обладание некоторым свойством. И на самом деле мы говорим, что каждый, кто обладает этим свойством, обладает также и каким-то другим свойством.

Точно так же в буквальном смысле слова неверно, что добродетель является получателем вознаграждения. Верно то, что всякий, кто является добродетельным, тем самым вознаграждается. Каждый, кто является хорошим, что-то приобретает вследствие того, что он хороший. Итак, первоначальное утверждение было не «о Добродетели», а о хороших людях, и грамматическое подлежащее «добродетель» означало то же, что и «... есть добродетельный» и, таким образом, было не тем, чем оно казалось, а предикативным выражением.



Мне здесь нет нужды вдаваться в излишние подробности. В буквальном смысле слова неверно, что «честность вынуждает меня утверждать то-то и то-то», ибо «честность» не является именем субъекта, способного принуждать. Более правильно было бы сказать: «Из-за того, что я честен, или желаю быть честным, я обязан утверждать то-то и то-то». «Цвет влечет за собой протяженность» означает «все, что окрашено, является протяженным». «Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце»⁴ означает «у того, кто длительное время надеется на что-то, но не получает этого, начинает болеть сердце».

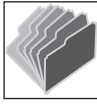
Моя точка зрения заключается в том, что все утверждения, которые, как кажется, являются утверждениями об «универсалиях», могут быть проанализированы тем же самым образом и, следовательно, что общие термины никогда на самом деле не являются именами наделенных свойствами субъектов. То есть «универсалии» не являются объектами в том смысле, в каком объектом является гора Эверест, и поэтому старый как мир вопрос, какого *рода* [sort] объектами они являются, — это псевдovoпрос. Ибо общие существительные, прилагательные и т.п. не являются именами собственными, а потому мы не можем говорить об «объектах, именуемых “равенством”, “справедливостью” и “прогрессом”».

Таким образом, платонические и антиплатонические утверждения, такие, как «равенство является или не является реальной сущностью», точно так же вводят в заблуждение и делают это двояким образом: ведь они одновременно являются как квазионтологическими, так и квазиплатоническими утверждениями.

Однако я не хочу здесь отстаивать это общее положение, но хочу только показать, что в *некоторых* случаях утверждения, которые по своей грамматической форме, как кажется, утверждают, что «честность делает то-то и то-то» или «равенство является тем-то и тем-то», в действительности формально неправильным образом (хотя он легко понимаем и идиоматически верен) утверждают: «все, что тождественно *x*, является тем-то и тем-то» или «всякий, кто честен, является таким-то и таким-то». Эти утверждения в явном виде говорят то, что другие говорили завуалированно, а именно, что если нечто обладает одним свойством, то оно необходимо должно обладать и другим.

Конечно же, обычный человек, употребляющий такие квазиплатонические выражения, не совершает философской ошибки. Он вообще не философствует. Его не вводит в заблуждение, и он даже не замечает то обманчивое впечатление, которое заключается в таких высказываниях, что они якобы говорят «о честности» или «о прогрессе».

⁴ «Hope deferred maketh the heart sick» — первая половина фразы «Hope deferred maketh the heart sick: but when the desire cometh, it is a tree of life» («Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце, а исполнившееся желание — как древо жизни»). — Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых. Гл. 13, § 12. — Прим. перев.

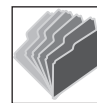


Он знает, что он имеет в виду, и весьма вероятно, что он примет как безобидную перефразировку нашу более формальную точную переформулировку того, что он имеет в виду, но у него не возникнет никакого побуждения стремиться к этой более точной форме выражения или даже каких-либо оснований считать, что она в самом деле является более точной. Ибо он не ограничивается лишь формой выражения факта без учета того конкретного содержания, о котором этот факт сообщает. Поэтому для него наилучший способ выразить что-либо — это тот способ, который является самым кратким, самым элегантным или самым выразительным, в то время как те, кто, как и философы, должны обобщать *виды* [sort] утверждений, которые надлежит формулировать о *видах* фактов, относящихся к *видам* обсуждаемых вопросов, вынуждены трактовать грамматические формы общих типов выражений, посредством которых записываются отыскиваемые логические структуры, в качестве путеводной нити к последним. А такие путеводные нити часто дезориентируют.

III. Дескриптивные выражения и квазидескрипции

Все мы постоянно употребляем выражения вида «такой-то и такой-то» [“the so and so”], как, например, «вице-канцлер Оксфордского университета» [“the Vice-Chancellor of Oxford University”]. Очень часто посредством таких выражений мы указываем на некоторого единственного, однозначным образом описанного индивида. Фразы «нынешний вице-канцлер Оксфордского университета» и «самая высокая гора в мире» осуществляют такого рода указание в таких высказываниях, как «нынешний вице канцлер Оксфордского университета — высокий человек» и «я не видел самую высокую гору в мире».

В самом по себе использовании фраз с определенным артиклем «the» [“the”-phrases] как однозначных дескрипций нет ничего дезориентирующего, хотя в некотором смысле такие фразы представляют собой сильно сжатые конструкции или сокращения. И философы могут совершать ошибки, и действительно их совершают, когда разъясняют, что же означают такие дескриптивные фразы. Вводящими в заблуждение, как мы увидим, являются фразы с определенным артиклем, функционирующие грамматически так, как если бы они являлись однозначными дескрипциями, указывающими на индивидов, когда фактически они вообще не являются референциальными фразами. Но этот класс систематически дезориентирующих выражений не может быть исследован, пока мы не рассмотрим, каким образом осуществляют указание подлинные однозначные дескрипции.



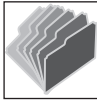
Дескриптивная фраза не является именем собственным, и способ, которым она обозначает обозначаемый ею наделенный свойствами субъект, состоит не в том, что мы *называем* данного субъекта «таким-то и таким-то», но в том, что он является носителем, и *ipso facto*⁵ единственным носителем, отличительного свойства, и именно это означает данная дескриптивная фраза. Если Томми – старший сын Джонса, тогда «старший сын Джонса» обозначает Томми не потому, что кто-то *называет* его «старшим сыном Джонса», а потому что в отличие от всех остальных только он может одновременно быть как сыном Джонса, так и старшим среди всех остальных сыновей Джонса. Таким образом, дескриптивная фраза является не именем собственным, а предикативным выражением, означающим одновременное обладание характерными особенностями – быть сыном Джонса и быть старше остальных сыновей Джонса. И она указывает на Томми только в том смысле, что именно Томми и один лишь Томми имеет эти характерные особенности.

Эта фраза никоим образом не *подразумевает* [mean] Томми. Такой взгляд был бы, как мы увидим, бессмысленным. Она значит то же, что и предикативное выражение «... есть сын Джонса и старше остальных его сыновей», и, таким образом, сама она является лишь предикативным выражением. Под «предикативным выражением» я понимаю тот фрагмент утверждения, посредством которого выражается обладание определенной характерной особенностью или характерными особенностями. Обладание же определенной характерной особенностью не может само обладать какими-либо свойствами. Оно является, так сказать, заключительной частью [tail end] тех фактов, что какой-то наделенный свойствами субъект обладает этой характерной особенностью, а какие-то другие – нет. Само по себе предикативное выражение не называет субъекта, имеющего такие характерные особенности, и не записывает факт, что какой бы то ни было субъект их имеет. Действительно, оно не может употребляться само по себе, но только в качестве элемента, а именно, предикативного элемента в некотором полном утверждении.

Поэтому полное утверждение «старший сын Джонса сегодня женился» означает то же, что и «некто (а именно Томми) (1) является сыном Джонса, (2) старше остальных сыновей Джонса [это может быть выявлено позже] и (3) сегодня женился».

Это утверждение в целом не может быть истинным, если не являются истинными три или более из составляющих его утверждений. Но *то, что* есть кто-то, относительно кого истинно как (1), так и (2), вовсе не гарантируется одним лишь фактом утверждения этого. Следовательно, описательное выражение «...старший сын Джонса» не

⁵ В силу самого факта (лат.). – Прим. перев.



обозначает Томми ни в том смысле, что оно является его именем собственным, ни в том смысле, что оно является выражением, понимание которого влечет за собой знание того, что Томми имеет эту отличительную характерную особенность. Оно лишь *указывает* на Томми в том смысле, что хорошо проинформированные слушатели уже знают, что Томми и только Томми в действительности имеет эту отличительную характерную особенность. Но это знание не является частью того, что мы должны знать, чтобы понять утверждение «старший сын Джонса сегодня женился». Ибо мы можем знать, что оно значит, не зная того, что этим старшим сыном является Томми или что он сегодня женился. Все, что мы должны знать, — это то, что тот или иной человек должен быть описан таким образом, чтобы утверждение в целом было истинным.

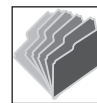
Ибо понимание утверждения или осознание того, что утверждение подразумевает, — это не знание того, что это утверждение записывает данный факт, а знание того, что имело *бы* место, если *бы* данное утверждение было записью факта.

Не бывает понимания или осознания значения отдельного собственного имени или отдельной однозначной дескрипции. Ведь *либо* мы знаем, что кто-то в частности называется этим именем определенными людьми или же имеет отличительные характерные особенности, обозначаемые дескриптивной фразой, что требует, чтобы мы были ознакомленными как с именем или описанием, так и с человеком, носящим это имя. *Либо* мы не знаем всего этого, и в этом случае мы не знаем также, является ли вообще это квазиимя именем и описывает ли кого-нибудь эта квазиоднозначная дескрипция. Но мы способны понимать утверждения, в которые входят квазиимена или квазиоднозначные дескрипции; ибо мы можем знать, что было бы, если бы кого-то так звали или таким образом описывали, а также если бы он имел иные характерные особенности, приписываемые в предикатах этих утверждений.

Тогда мы увидим, что дескриптивные фразы — это сжатые предикативные выражения и что их функция — быть тем элементом или (чаще всего) одним из тех элементов утверждений (которые записывают в целом, что нечто обладает определенной характерной особенностью или определенными характерными особенностями), посредством которых выражается обладание той или иной характерной особенностью.

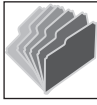
И это легко увидеть, если прибегнуть к другому подходу.

Возьмем любую фразу с определенным артиклем, которая обычно употребляется референциально в качестве грамматического подлежащего предложения, например «вице-канцлер Оксфордского университета» в утверждении «Вице-канцлер Оксфордского университета занят». Мы теперь можем взять всю дескриптивную фразу целиком



и употребить ее неререференциально, в качестве грамматического сказуемого в сериях утверждений и выражений. «Кто является нынешним вице-канцлером Оксфордского университета?», «Мистер Имярек является нынешним вице-канцлером Оксфордского университета», «Джордж Карпентье не является нынешним вице-канцлером Оксфордского университета», «Мистер Имярек является или вице-канцлером Оксфордского университета, или главным инспектором», «Кто бы ни был вице-канцлером Оксфордского университета, он работает больше, чем положено» и т.д. Как бы то ни было, в случае отрицательных, гипотетических и дизъюнктивных утверждений, содержащих это общее предикативное выражение, ясно, что не подразумевается и даже не предполагается, что кто-то действительно занимает должность вице-канцлера. Таким образом, фраза с определенным артиклем является здесь совершенно неререференциальной и даже не претендует на то, чтобы кого-то обозначать. Она означает отличительную характерную особенность, но не предполагает, чтобы кто-то действительно ею обладал. Это возвращает нас к нашему исходному заключению, что дескриптивная фраза никоим образом не *подразумевает* этого конкретного человека или эту конкретную вещь, или же, другими словами, что мы можем понять утверждение, содержащее дескриптивную фразу, и тем не менее не знать, что эта дескрипция соответствует тому или иному наделенному свойствами субъекту. (Вообще, едва ли нужно особо обосновывать эту точку зрения. Ибо никто, у кого есть уважение к здравому смыслу, даже и не подумает, указав на кого-то или на что-то, сказать: «Вот значение такого-то и такого-то выражения» или «Значение данной фразы страдает от простуды». «Сократ есть значение» является бессмысленным предложением. Вся эта суматоха по поводу обозначения возникает, по-видимому, из предположения, что мы можем осмысленным образом описать объект как «значение выражения “х”» или «то, что значит выражение “х”». Конечно, можно сказать, что дескриптивная фраза *указывает* на этого человека или гору или соответствует им и этот человек или та гора могут быть описаны как то, на что указывает выражение «х». Но тем самым мы лишь говорим, что этот человек или та гора имеет характерную особенность (и притом только этот человек или та гора имеют эту особенность), обладание которой выражается в предикативном фрагменте предложения «... является таким-то и таким-то».)

Все это лишь подводит к другому классу систематически дезориентирующих выражений. Но фразы с определенным артиклем, которые мы изучали, в роли грамматических подлежащих или в роли предикатов в утверждениях формально не были обманом. В грамматической форме этих предложений не было ничего такого, что дало бы нам повод думать, что записанные факты на самом деле имеют иную логическую форму.



В изложенном выше рассуждении мы пытались критически рассмотреть некоторые действительно встречающиеся или возможные философские ошибки, но это – ошибки, возникающие по поводу дескриптивных выражений, а не ошибки *из-за* уловок в самих дескриптивных выражениях. В общих чертах ошибки, которые я пытаюсь развеесть, возникают тогда, когда мы считаем, (1) что дескриптивные фразы – это имена собственные и (2) что та вещь, которую дескрипция описывает, – это то, что данная дескрипция обозначает. Ну а теперь я хочу вернуться к нашим баранам и обсудить следующий класс систематически дезориентирующих выражений.

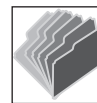
Систематически дезориентирующие квазиреференциальные фразы с определенным артиклем

1. В обычном разговоре часто встречаются выражения, которые, хотя и являются фразами с определенным артиклем, вовсе не представляют собой однозначных дескрипций, несмотря на то что по своей грамматической форме они и кажутся таковыми. Человек, не вдающийся в абстракции или обобщения, употребляет их без страха или затруднения и хорошо знает, что он имеет в виду, когда употребляет содержащие их предложения. Но философ должен переформулировать их, используя несколько иной и формально более правильный порядок слов, если он не хочет попасть в ловушку.

Когда дескриптивная фраза употребляется как грамматическое подлежащее предложения способом, формально не вводящим в заблуждение, как, например, «Король сегодня поехал на охоту», мы знаем, что если утверждение в целом истинно (или даже ложно), то в мире должен быть кто-то конкретный, на кого указывает дескрипция «Король» или к кому она относится. И мы могли бы осмысленно спросить: «Кто является королем?» и «Отец принца Уэльского и король – это одно и то же лицо?»

Но мы увидим, что квазидескриптивные фразы вида «такой-то и такой-то» часто употребляются в случаях, когда в мире нет никого или ничего, что могло бы быть описано как то, на что указывает или к чему относится эта фраза, и, таким образом, не существует ничего и никого, о чем или о ком мы могли бы спросить: «Это есть то-то и то-то?» или «Вот он и такой-то человек – это одно и то же лицо?»

Это может произойти несколькими способами. Сначала разберем утверждение, которое является истинным и вполне вразумительным: «Пуанкаре не есть король Франции». На первый взгляд оно выглядит формально аналогично утверждению «Томми Джонс не есть король Англии (т.е. не тождествен ему)». Но скоро обнаруживается разница между ними. Ибо если второе утверждение истинно, то обратное ему



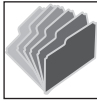
«Король Англии не есть Томми Джонс» тоже является истинным, но в то же время сказать «Король Франции не есть Пуанкаре» значит не сказать ни истину, ни ложь. Ведь не существует короля Франции и фраза «король Франции» никому не соответствует – и обычный человек, который говорит «Пуанкаре не есть король Франции», не предполагает обратное. Таким образом, «король Франции» в этом утверждении не аналогичен «королю Англии» в других утверждениях. Эта фраза на самом деле не употребляется референциально или в качестве однозначной дескрипции кого бы то ни было.

Мы можем теперь переформулировать эти сопоставляемые высказывания в такой форме, которая выявит различие между формами записываемых фактов, маскируемое первоначальными высказываниями. «Томми Джонс – не то же самое лицо, что и король Англии» означает то же самое, что и (1) «кто-то, и притом только он один – из неопределенного круга лиц – зовется Томми Джонсом, (2) кто-то, и притом только он один, имеет королевскую власть в Англии; и (3) никого не называют одновременно Томми Джонсом и королем Англии». Первоначальное утверждение не могло бы быть истинным, если бы не были истинными пункты (1) и (2).

Теперь возьмем предложение «Пуанкаре не есть король Франции». Оно означает то же, что и (1) кого-то зовут «Пуанкаре» и (2) Пуанкаре не обладает титулом короля Франции. А это не подразумевает, что кто-то имеет этот титул.

Иногда это двоякое употребление фраз с определенным артиклем, а именно референциальное и нереференциальное употребление, вызывает у нас затруднения только в обыденном дискурсе. «Смит не есть единственный человек, который когда-либо взбирался на Монблан», некоторыми людьми может быть легко принято за фразу, означающую «Один и только один человек взобрался на Монблан, но это не Смит», а другими – «Смит взобрался на Монблан, но по крайней мере еще один человек сделал то же самое». Но меня интересует не возможная двусмысленность таких выражений, а тот факт, что выражение такого вида, по существу употребляющееся нереференциально, может быть истолковано таким образом, как будто бы оно *должно* употребляться референциально, или как если бы любая фраза с определенным артиклем употреблялась референциально. Философы и другие люди, которым приходится абстрагировать и обобщать, могут быть дезориентированы чисто словесным сходством одного типа фраз с определенным артиклем и другого типа фраз с определенным артиклем, которые «производят сущности», чтобы быть в состоянии показать, на что указывает данная фраза с определенным артиклем.

Рассмотрим сначала фразу «верхушка того дерева» или «центр того куста», как они встречаются в утверждениях типа «сова сидит на верхушке того дерева» и «моя стрела пролетела сквозь центр куста».



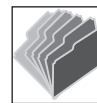
Эти утверждения совсем не двусмысленны и ясно и правильно передают то, что они и должны передавать.

Но так как по своему синтаксическому строению они аналогичны утверждениям «человек сидит рядом с вице-канцлером» и «моя стрела пролетела сквозь эту штору», и так как далее можно составить бесконечный список самых разных утверждений, в которые входят фразы с определенным артиклем «верхушка того дерева» и «центр того куста», то тому, кто осуществляет обобщение, трудно избежать соблазна предположить или даже поверить в то, что эти фразы с определенным артиклем указывают на объекты, точно так же как указывают на объекты выражения «вице-канцлер» и «шторы». А это дает основание предположить или поверить, что верхушка того дерева представляет собой самый настоящий наделенный свойствами субъект, точно так же как и вице-канцлер.

Однако (за исключением случая, когда выражение неудачно используется вместо выражения «самая верхняя ветка» или «самый верхний лист на дереве») «верхушка дерева» тотчас же оказывается таким выражением, которое не указывает ни на какой объект. В мире нет ничего, о чем можно было бы истинным (или даже ложным) образом утверждать «это – верхушка такого-то и такого-то дерева». Это выражение не указывает, например, на какую-то часть дерева, которая могла бы быть обрезана и сожжена или поставлена в вазу. «Верхушка дерева» ни на что не указывает, но означает некоторое свойство, а именно, относительное местоположение, когда оно встречается в утверждениях вида: «х находится на, или возле, или над, или под верхушкой дерева». Грубо говоря, оно не указывает на вещь, но означает пребывание вещи в определенном месте или же означает не вещь, а размещение или местоположение вещи, такой, например, как ветка или лист, которые находятся выше любых других веток или листьев на дереве. Соответственно имеет смысл сказать, что та или иная ветка находится на верхушке дерева. Но «на верхушке дерева» означает не что иное, как «выше, чем любая другая часть дерева», и последнюю фразу невозможно принять за референциальную фразу типа «нынешний вице-канцлер».

Местоположение вещи или приблизительное местонахождение вещи – это не вещь, а заключительная часть [tail end] факта о том, что в этом месте что-то находится. «Где кормится пчела, там кормлюсь и я»⁶, но носителем нектара является именно находящийся там цветок клевера, а не местонахождение цветка. Сказанное сводится к тому, что хотя мы и можем употреблять квазидескриптивные фразы для констатации того, где находится тот или иной предмет, то об-

⁶ «Where the bee sucks, there suck I» – начальная строка одной из песен Ариэля из пьесы Шекспира «Буря». – Прим. перев.



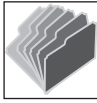
стоятельство, что вещь находится в этом месте, является относительной характерной особенностью этой вещи; и данное обстоятельство само по себе не может обладать какими-либо характерными особенностями.

Я подозреваю, что многие грубые ошибки Декарта и, возможно, Ньютона по поводу Времени и Пространства являются результатом систематически дезориентирующего характера фраз с определенным артиклем, которые мы используем для датировки и локализации вещей, таких, как «область, занимаемая x », «траектория y », «момент или дата, когда произошло z ». Из таких фраз не видно, что они являются исковерканными предикативными выражениями, а не представляют собой референциально употребляемые дескриптивные выражения, обычно даже и не рассматриваются в качестве таковых, не более чем «король Франции» в утверждении «Пуанкаре не есть король Франции» обычно истолковывается так, как если бы это была референциально употребляемая фраза с определенным артиклем.

Возьмем другой случай: «Джонсу неприятна сама мысль о посещении больницы», «Идея устроить праздник мне только что пришла в голову». Эти квазидескриптивные фразы предполагают, что в мире есть один объект, а именно тот, на который указывает фраза «мысль о посещении больницы», и другой объект, а именно тот, на который указывает фраза «идея устроить праздник». И так или иначе, частично через восприятие грамматических *prima facies*⁷ таких выражений философы продолжают искренне верить в существование «идей», «концепций» и «мыслей» или «суждений», как и их предшественники верили (по схожим причинам) в существование субстанциальных форм или как дети верят (по схожим причинам) в существование экватора, неба и Северного полюса.

Но если мы их переформулируем, то оказывается, что эти выражения никоим образом не свидетельствуют в пользу локковской де-монологии. Ибо «Джонсу неприятна сама мысль о посещении больницы» означает то же самое, что и «Джонс чувствует себя плохо, когда думает о том, что ему придется пережить, если он обратится в больницу». Фраза «мысль о ...» преобразуется в фразу «всегда, когда он думает о ...», которая не содержит ни малейшего намека на какую-либо иную сущность, кроме Джонса, и, возможно, больницы. Чтобы она была истинна, в мире должен быть некий Джонс, который иногда находится в раздумьях, а иногда, скажем, спит; но она вовсе не должна, кроме Джонса, включать в себя «мысль или идею о том-то и о том-то», точно так же, как не должна она, кроме кого-то по имени Джонс, включать и какой-то объект под названием «сон».

⁷ Зд. внешний вид, внешняя форма (лат.: *prima facie* – на первый взгляд). – Прим. перев.

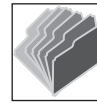


Сходным образом, утверждение «идея организовать праздник только что пришла мне в голову» грамматически кажется аналогичной фразе «собака только что укусила меня». И поскольку для истинности последней фразы в мире должны иметься как собака, так и я, то может показаться, что для истинности первой фразы в мире должны быть как я, так и идея организовать праздник. Но внешняя видимость обманчива. Ведь хотя я и не могу перефразировать свою жалобу на собаку посредством предложения, которое не содержало бы дескриптивной фразы, указывающей на собаку, я легко могу сделать это с утверждением об «идее организовать праздник», перефразировав его, например, в утверждение «я только что подумал, что я мог бы организовать праздник».

Масса такого же рода ошибок возникает в самой логике и в эпистемологии из-за упущений в анализе квазидескриптивных фраз типа «значение выражения “х”». Я подозреваю, что все ошибочные теории понятий, идей, терминов, суждений, объективных высказываний, содержаний, целей и тому подобного происходят из того же самого заблуждения, а именно, что должно быть *нечто*, на что указывают такие выражения, как «значение слова (фразы или предложения) “х”», подобно тому полицейскому, на которого действительно указывает дескриптивная фраза в предложении «наш деревенский полицейский увлекается футболом». И выход из этой путаницы состоит в том, чтобы осознать, что некоторые фразы с определенным артиклем лишь по своей грамматической форме похожи на референциально употребляемые дескриптивные фразы, но не похожи на них по своей функции, как, например, в рассматриваемом случае «значение “х”» подобно выражению «король Франции» в предложении «Пуанкаре не есть король Франции» – предикативное выражение, употребляемое неререференциально.

И, конечно же, обычный человек вовсе не убеждает себя или кого бы то ни было в том, что когда он делает утверждения, содержащие такие выражения, как «значение “х”», он указывает на необычный новый объект: ему не приходит в голову, что его фраза может быть неправильно истолкована как референциально употребляемая дескриптивная фраза. То есть он не повинен в философской ошибке или неточности. Тем не менее употребляемые им формы слов являются систематически дезориентирующими. Ибо в таких фразах, как «деревенский полицейский надежен» и «значение “х” сомнительно» или, опять-таки, «я только что встретил деревенского полицейского» и «я только что понял значение “х”», важное различие их логических форм замаскировано полной схожестью их грамматических форм.

(Следовательно, поскольку не существует объекта, описываемого как такой, что на него указывает выражение «значение “х”», то вопросы о статусе таких объектов являются бессмысленными. Обсуж-



дать, являются ли значения слов (т.е. «понятия» или «универсалии») субъективными или объективными, или являются ли значения предложений (т.е. «суждения» или «объективы») субъективными или объективными, точно так же бесполезно, как, например, обсуждать, является ли субъективным или объективным экватор или небо. Ибо сами по себе эти вопросы – ни о чем.)

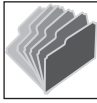
Все это, конечно, вовсе не мешает нам вразумительно и внятно употреблять предложения, содержащие выражения «значение “х”», которые можно перефразировать в «то, что “х” значит». Ибо здесь фраза с определенным артиклем употребляется предикативно, а не в качестве однозначной дескрипции. «Значение “х” является тем же самым, что и значение “у”» эквивалентно утверждению «“х” значит то же самое, что и “у”», и это можно понять без всякого соблазна приумножить сущности.

Однако эта дискуссия в конечном счете ведется только относительно довольно частного случая систематического дезориентирования со стороны квазидескрипций.

2. Существует еще одна группа фраз с определенным артиклем, которые также способны вызывать философски неверные толкования, хотя я не уверен, что смогу припомнить какие-нибудь удачные примеры реальных ошибок, которые проистекали бы из этого источника.

Предположим, я говорю: «Поражение лейбористской партии меня удивило». То, что я говорю, можно было бы корректным образом перефразировать: «Тот факт, что лейбористская партия потерпела поражение, был для меня удивительным» или «Лейбористская партия потерпела поражение, и я удивлен, что она потерпела поражение». Здесь фраза с определенным артиклем не указывает на какую-то вещь, а является сокращенной записью чего-то, что имеет место. И это является общепринятой и удобной идиомой. Мы всегда можем сказать вместо «поскольку А есть В, то С есть D», «D-ость С имеет место благодаря В-ости А». «Суровость зимы несет ответственность за высокую цену на капусту» означает то же, что и «Капуста дорогая, поскольку зима была суровой».

Но если я говорю «Поражение лейбористской партии произошло в 1931 г.», то моя фраза с определенным артиклем употребляется референциально, чтобы описать событие, а не как сокращенная запись факта. Ибо события имеют даты, а факты их не имеют. Поэтому факты, записываемые в грамматически сходных утверждениях «Поражение лейбористской партии меня удивило» и «Поражение лейбористской партии произошло в 1931 г.», совершенно разные по своей логической форме. И оба типа фактов формально довольно сильно отличаются от третьего факта, записываемого в виде: «Победа лейбористской партии меня бы удивила». Ведь это не указывает на собы-



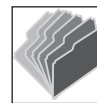
тие, не записывает тот факт, что лейбористская партия победила, но лишь говорит: «Если бы лейбористская партия победила, я был бы удивлен». То есть здесь фраза с определенным артиклем является протазисом⁸. И еще все эти три примера употребления фраз с определенным артиклем отличаются по типу того, что они означают, от: «поражение консервативной партии на следующих выборах является вероятным» или «возможным» или «невозможным». Ибо это означает «имеющиеся в нашем распоряжении релевантные данные свидетельствуют о», или «не являются несовместимыми с», или «несовместимы с тем, что консервативная партия потерпит поражение на следующих выборах».

Таким образом, имеется по крайней мере четыре различных типа фактов, которые могут быть записаны посредством утверждений, содержащих грамматически неразличимые фразы с определенным артиклем, и в обычной речи эти типы фактов именно так и записываются ради удобства и четкости выражения. Но их можно переформулировать посредством таких оборотов речи, которые действительно выявляют в силу своей особой грамматической формы отдельные логические структуры, присущие различным видам записываемых фактов.

3. И, наконец, я бы хотел кратко упомянуть еще один класс фраз с определенным артиклем, которые являются систематически дезориентирующими. Мы можем принять, что утверждения «кит – это не рыба, а млекопитающее» и «настоящий англичанин питает отвращение к жульничеству» записывают факты. Но они не говорят о каком-то конкретном ките или англичанине и могли бы быть истинными, даже если бы не существовало ни китов, ни настоящих англичан. Здесь мы, возможно, имеем закамуфлированные гипотетические утверждения. Я просто хочу обратить внимание на то, что они очевидно закамуфлированы.

Я выбрал эти три основных типа систематически дезориентирующих выражений, так как они все похожи в том отношении, что дезориентируют в определенном направлении. Все они наводят на мысль о существовании новых видов объектов или, другими словами, они склоняют нас к «умножению сущностей». В каждом из этих типов выражений – квазионтологических, квазиплатонических и квазидескриптивных – выражение неверно истолковывается как обозначающее выражение, но на самом деле оно ничего не обозначает, а только грамматически выглядит как выражение, употребляемое, чтобы что-то обозначать. Поэтому требование Оккама, на мой взгляд, состояло в том, чтобы не рассматривать любые выражения, которые грамматически выглядят как имена собственные или референциально

⁸ 3д. часть условного предложения, выражающая условие. – Прим. перев.



употребляемые фразы с определенным артиклем так, будто они вследствие этого действительно являются именами собственными или референциально употребляемыми фразами с определенным артиклем.

Но есть и другие типы систематически дезориентирующих выражений, из которых я упомяну лишь некоторые, пришедшие мне на ум.

«Джонс – предполагаемый убийца или подозреваемый убийца». «Смит – возможный или вероятный лорд-мэр». «Робинзон – мнимый, или кажущийся, или фальшивый, или поддельный, или фиктивный персонаж». «Браун – будущий или бывший член парламента». Все эти утверждения подразумевают то, чего они не означают, а именно, что названные субъекты – это особого вида убийца, или лорд-мэр, или персонаж, или член парламента. Но быть предполагаемым убийцей – не значит быть убийцей и точно так же, быть вероятным лорд-мэром – не означает быть лорд-мэром.

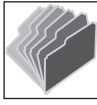
«Джонс популярен» подразумевает, что быть популярным это все равно как быть мудрым, т.е. некоторое качество, но фактически это относительная характеристика и такая, которая не характеризует непосредственно Джонса, а характеризует тех людей, которые любят Джонса, т.е. «Джонс популярен» означает то же, что и «многим людям Джонс нравится, и гораздо больше тех, кому он нравится, чем тех, кому он не нравится, или кто к нему безразличен», или что-то в этом роде.

Однако, думаю, я привел достаточно примеров, чтобы показать, в каком смысле выражение может, по-видимому, означать нечто, совершенно отличное от того, что оно фактически обычно означает; и таким образом я показал, в каком смысле некоторые выражения являются систематически дезориентирующими.

Итак, я считаю установленным, (1) что то, что выражается в каком-то выражении, часто может выражаться в выражениях, имеющих совсем иную грамматическую форму, и (2) что из двух выражений, каждое из которых означает то же, что и другое, имеющих разную грамматическую форму, одно часто в большей степени дезориентирует, чем другое.

А это означает, что хотя некоторый факт или некоторое состояние дел может записываться посредством бесконечного количества утверждений, имеющих самые разные грамматические формы, одни из таких утверждений лучше, чем другие. Идеал, который, возможно, никогда не будет достигнут, состоит в том, что утверждение должно формулироваться в таких выражениях, которые совершенно не дезориентируют.

Теперь, когда мы говорим, что одна форма выражения лучше, чем другая, мы не имеем в виду, что она более элегантна, или сжата, или привычна, или более понятна обычному слушателю, но что благодаря своей грамматической форме она выявляет способом, которым другим формам не удастся выявить, логическую форму состояния дел



или факта, который записывается. Но в том, чтобы наилучшим способом выявить логическую форму фактов, заинтересован не каждый человек, но только философ.

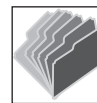
Сейчас я бы хотел поставить, хотя и не разрешить, некоторые важные проблемы, которые возникают в связи с этим.

1. Если выражение определенной грамматической формы соответствует (или некоторым образом приближается к тому, чтобы соответствовать) фактам определенной логической формы, и только этим фактам, является ли это отношение соответствия грамматической формы логической форме *естественным* или *конвенциональным*?

Я не могу присоединиться к доктрине, принадлежащей, по-видимому, Витгенштейну и школе логических грамматиков, разделяющих его взгляды, согласно которой то, что делает некоторое выражение формально соответствующим факту, — это некое реальное, а не конвенциональное, взаимно-однозначное изобразительное отношение между структурой выражения и структурой факта. Ибо я не вижу, каким образом, за исключением небольшого класса специально отобранных случаев, факт или состояние дел по своей структуре может считаться похожим или даже непохожим на предложение, жест или диаграмму. Ведь факт не является некоторой совокупностью — даже организованной совокупностью — частиц [bits] в том смысле, как предложение является организованной совокупностью звуков или карта — организованной совокупностью линий. Факт — это не вещь, а значит, и не организованная вещь. Конечно, карта может быть похожа на страну или систему железных дорог, или в более общем или широком смысле предложение как упорядоченный ряд звуков может представлять собой ряд, похожий на ряд звуков, издаваемых автомобилями в потоке транспорта, или на ряд дней в неделе.

Но в том, что Сократ сердит, или в том факте, что либо Сократ был мудрым, либо Платон был нечестным, я не усматриваю никакого сочетания частиц, такого, что сочетание частей речи могло бы рассматриваться как имеющее точно такое же общее строение. Но эта сложность может быть всего лишь результатом моей недогадливости.

С другой стороны, нелегко согласиться с тем, что, как кажется, является альтернативным подходом, а именно, что данная грамматическая форма лишь по соглашению особо привязана к фактам данной логической формы. Ибо на самом деле обычное употребление абсолютно терпимо относится к систематически дезориентирующим выражениям. И, более того, трудно объяснить, как в ходе развития языков наши предки, которые, по-видимому, не философствовали, могли бы намеренно или ненамеренно привязать данную грамматическую форму к фактам, имеющим определенную логическую форму. Ведь исследование абстрактных логических форм началось, очевидно, уже после того, как вошли в употребление синтаксические идиомы.

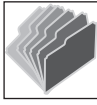


Тем не менее пока что я придерживаюсь того взгляда, что соответствие между грамматической и логической формами имеет более условный, чем естественный характер, хотя я не считаю, что это – результат какого-то каприза или преднамеренного плана.

2. Следующий вопрос таков: как мы можем обнаружить в конкретных случаях, является ли некоторое выражение дезориентирующим или нет? Я полагаю, что ответ на этот вопрос примерно следующий. Мы сталкиваемся с определенным выражением, понимаем и даже принимаем его, например «мистер Пиквик – это вымышленный персонаж» и «экватор опоясывает земной шар». И мы знаем, что если эти выражения говорят именно то, что в них утверждается, то из них следуют определенные другие высказывания. Но оказывается, что естественным образом вытекающие из них высказывания «мистер Пиквик родился в таком-то году» и «экватор имеет такую-то толщину» не просто ложны, но, если подвергнуть их анализу, находятся в противоречии с чем-то, из чего, как казалось, они логически следуют. Единственное решение – это осознать, что быть вымышленным персонажем – вовсе не значит быть определенного рода персоной, и экватор опоясывает Землю вовсе не в том смысле, как если бы он был каким-то кольцом или лентой, охватывающей Землю. А значит, нужно понимать, что исходные высказывания говорили вовсе не то, что казалось на первый взгляд. Паралогизмы и антиномии – это свидетельства того, что выражение является систематически дезориентирующим.

Тем не менее систематически дезориентирующие выражения как они подразумеваются и как мы их понимаем не содержат противоречий. На самом деле люди не говорят философскую бессмыслицу, если только они не философствуют или же, что совершенно другое дело, если они не произносят нравоучительные сентенции. Что они делают, так это используют выражения, которые по разным причинам – обычно ради краткости и простоты беседы – маскируют, вместо того чтобы выявлять, формы записываемых фактов. И нужно раскрыть эти формы, которые мы абстрагируем и обобщаем. Эти процессы абстракции и обобщения происходят до того, как начинается философский анализ. И их результаты, по-видимому, действительно являются предметом философии. Дофилософское абстрактное мышление всегда запутывается в систематически дезориентирующих выражениях, и даже философское абстрактное мышление, подлинная функция которого – излечить этот недуг, на самом деле является одной из наибольших его жертв.

3. Я не знаю никакого способа классификации или составления исчерпывающего списка возможных типов систематически дезориентирующих выражений. Я полагаю, что их число в принципе неограниченно, но число наиболее распространенных и навязчивых типов довольно невелико.



4. Я не знаю никакого способа доказать, что выражение не содержит ничего такого, что может дезориентировать. Тот факт, что мы до сих пор не натолкнулись на антиномии, еще не является доказательством того, что они никогда не возникнут. Мы можем знать, что из двух выражений «х» и «у», которые записывают один и тот же факт, «х» меньше дезориентирует, чем «у», но не то, что «х» само по себе не поддается улучшению.

5. Философия должна, таким образом, постоянно перефразировать свои утверждения. Но это не означает, что она является разделом филологии или литературной критики.

Философское перефразирование — это не замена одного существительного на другое или одного глагола другим. В этом изощряются лексикографы и переводчики. Философское перефразирование заключается в преобразовании синтаксиса, притом таком преобразовании, которое регулируется стремлением не к эlegantности или стилистической корректности, но к выявлению форм фактов, которые исследует философия.

В заключение отмечу, что в конце концов имеется смысл, в котором мы можем должным образом спросить и даже сказать, «что же на самом деле означает сказать так-то и так-то». Ибо мы можем осведомиться, какова настоящая форма записываемого факта, если она скрыта или замаскирована и должным образом не выявляется посредством данного выражения. И нам часто удается выразить этот факт при помощи новых слов, которые действительно выявляют то, что другим выражениям не удалось выявить. И на сегодняшний момент я склонен считать, что в этом состоит философский анализ и в этом состоит единственная и полная функция философии. Но здесь я не хочу обосновывать эту позицию.

Однако подобно тому как чистосердечная исповедь облегчает душу, я должен сознаться, что мне не очень нравятся следствия, которые вытекают из этих заключений. Я бы с большей охотой поставил перед философией задачу более высокую, чем обнаружение в языковых идиомах источников постоянно повторяющихся неверных толкований и абсурдных теорий. Но, по крайней мере, это то, в чем у меня нет никакого серьезного сомнения.

[В этой работе я намеренно воздерживался от описания выражений как «неполных символов» или квазивещей как «логических конструкций». Частично я воздерживался, так как я довольно несведущ в доктринах, которые используют эти технические термины, хотя, насколько я их понимаю, думаю, что мог бы без изменения этих доктрин перефразировать их словами, которые мне больше нравятся. Но частично также я думаю, что сами эти термины неудачно выбраны и тоже могут причинять ненужные сложности. Но я думаю, что я говорил о том же, о чем говорят те, кто употребляет эти термины, когда они их употребляют.]

Перевод с английского Я.В. Шрамко и Л.В. Кулабуховой